

О, РУСЬ !

Окутан сумраком синееющих снегов
Сиротства зов. Звон бубенцов – дорог соноре.
О, Русь! Зачем звучание твоих колоколов
Не Ода радости – тоски прозренья
в соль-диез миноре.*

Жизнь – мышцы мерный ритм среди миров,
В садах сирени белой краткое цветенье,
И одинокие, о, изнурённость сердца пенье,
Дни – бег коней, где эхом цоканье подков.

Неумолим их счёт, как чётко чёт – нечёт.
Среди дорог, монастырей, и истин
Потребует Всевышний дать отчёт –
Зачем неверно жил, и чувствовал, и мыслил.

И мне не прозвенит – пробьёт в последнем сне
Небесный исполин – набат неумолимый.
Но утром первый снег, и Кто-то явит милость,
И Голос позовёт: Ко мне, Нередица, иди ко мне.

ВРЕМЁН ВРАЩАЕТСЯ СПИРАЛЬ

Меня укутывает вечер
в рождественских метелей шаль,
на стыке слов –
НИЧТО НЕ ВЕЧНО –
времён вращается спираль.
Вращаются устои – стулья,
небес огни, часы и дни.

Звезды сверхновой аллилуйя:

– Живи, себя не хорони.
Отдай скитальцам-пилигримам
плода кровь – красное вино,
в ладонях – дольку мандарина
себе оставь... Так суждено:
отпав от ветви вдохновенья,
плод света – жертвенная плоть –
времён изменит назначение...
Да сохрани тебя Господь!!!
– Да! Сохранит живое СЛОВО
Творец – творение своё.
Но куст?!.. Зачем здесь куст терновый?!
Волхвы спешат на Рождество.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ КАНТАТА

И напролёт шёл снег, все дни и ночи,
непостижимою, густою пеленой ,
ушли в снега, пропали ямы, кочки
под рыхлою опрятною ордой.

Мир запакованный в глухую вату
в окне. Вплотную. Хмурое ничто.
Сосна под ветром пела солнц утрату,
не сбросив бремя непосильное – пальто.

Весь мир дышал величием покоя,
в бесплотной плоскости терялся где-то лес.
Но хаос белой пелены исчез
в безбрежном пенье баховской кантаты.

* Соль-диез минор – тональность Прелюдии С. В. Рах-
манинова.

И СЧАСТИЯ ЧАША ПОЛНА

Касание кисти руки осторожно –
Рождественская белизна.
Начало исхода, чудес позолота,
И феей ночной тишина.

Качание в чаше часов величаво,
Секунды – столетий вожди,
Иголки на ёлке зарделись свечами
И нитями пали дожди.

– Давай, дорогая, послушаем вечность,
Что скажут её голоса?
– Как нехотя, медленно, сонно и мерно
Пробила она полчаса.

И долго и длинно ещё до рассвета,
И счастья чаша полна,
И скрипки так трепетно пение где-то,
Так страстно томится струна.

И чуткие пальцы даруют истому,
И манят, подобно Звезде,
Припасть, прикоснуться к истоку святому,
Молиться Христу о Тебе

О, МУЗЫКИ ПЕЧАЛЬ!

О, музыки печаль!
Ты между нами –
между тобой и мной
изгибами изящного ключа,

ещё невнятная,
пытаешь клавиши
шагами потаёнными
минорной гаммы,
несовершенство голоса
форшлагом прокричав.

Доверчиво вальсируя
с самой судьбою –
(о, наслажденье –
скользить по клавишам времён
в объятьях гибких рук),
созвучьями измеришь
Неба и Земли значенье,
разъяв на тысячи секунд
часов и дней всевластный круг.

Из сумеречных грез
соткёшь Гуана сладостные сети,
не вымысел – пьянящих волн
девятый, долгожданный вал,
и уведёшь, покорную,
на поле первородной сечи,
где эхом горестным
паденья нисходящий интервал.

Петля в дебрях
перламутровых проулков,
вибрациями ищешь смысл
звнящего литья,
а это просто Отче
вышел на прогулку –
держа в руках свирель –
услуду Бытия.

МЕЖДУ ТОБОЮ И МНОЮ

Холода крах. Луна в облаках. Бах.
Между тобою и мною свечи в расплавленных трёх ободах.

Милый, не надо огни зажигать в мироздания тёмных углах,
Там, где таится, где прячет глаза свои сонные страх.

Радость искрится малины теплом в хрусталах,
Вечер качает тебя и меня в ритме вечности, вздохи укрив.

Завтра уедешь. Лунные ленты – стелются рельсы впотьмах.
Снится и длится. Длится и снится мне вечное. Бах...